

С начала марта я решил догулять оставшиеся у меня с прошлого года две недели отпуска и поохотиться специально за плотвой. Судачки не то, чтобы надоели, а просто я соскучился по плотвиной ловле. Да и заявить не мешало бы, и для себя, и, главное, в Севастополь послать, где вяленую плотву обожали и Павлик, и Милочка, и Ромка.

Никаких слухов о ловле плотвы ни откуда не доходило. Шевчук ездил один раз в Красное - и там судака ловят. Говорят, судак пожрал всю прочую рыбу, даже ершей не осталось. В "Калининградке" уже раздаются робкие голоса: а не пора ли отменить ограничения на любительский лов судака, как это сделано в Литве на литовской части Куршского залива? Там лови, сколько хочешь, а на берегу можно сдавать в заготпункты при рыбколхозах по 50 копеек за килограмм. И рыбакам-любителям удовольствие, и рыба народу достаётся.

А то ведь скоро замор судака начнётся от бескормицы, особенно летом, когда он малоподвижен в жару. И так уже судак измельчал, редко больше килограмма попадается, от того, что его много, а жратвы мало, всю мелочь уже поел. Ну, да разве наше начальство рыбное на такое решится? Запретить - это, пожалуйста. Тут они долго не думают. Всегда готовы, и с большим удовольствием. А вот разрешить! Как бы чего не вышло! А чего и сами не знают.

Ни себе, ни людям, ни рыбе.

А в то, что плотвы в заливе нет, я не верил. Не может такого быть! В прошлом году весной была ещё, сам ловил в Красном крупняк, одну даже в лунку не смог протащить. Значит, и сейчас должна быть. Не может же она сразу за один сезон вся вымереть? Я имею в виду крупную и среднюю, которую судак не ест, он же ведь только молодь жрёт. Конечно, в глухозимье судак не даёт плотве собираться на её любимых местах в стаи (среди рыбаков даже карта этих мест ходит), разогнал её по всему заливу. Но дело идёт уже к весне, на нерест она всё равно будет стягиваться к берегам и к устьям рек, так что надо её искать.

И тут как раз я услышал от одного рыбака в трамвае, что он видел в Каширском человека, который ловил плотву. Штук двадцать у него якобы было поймано, в основном средняя, но и крупных несколько штук имелось. В Каширское я и подался в первый свой отпускной выезд - **5 марта**.

Температура была от плюс 1 до плюс 4 градусов, давление 755-758 мм, пасмурно, ветер юго-восточный, слабый. Поехал на автобусе и обнаружил на льду накатанную мотоциклами и автомобилями - несмотря на запрет - дорогу, по которой и потопал пешком. Минут через пятьдесят вышел на места со следами старых лунок и ледовых стенок от ветра, с утопанным грязным снегом вокруг них, усеянным окурками, спичками, обрывками бумаги и бутылками. Свежего снега давно не выпадало, и вся грязь оставалась на виду. Народу сейчас здесь было немного - будний день.

Я выбрал себе место почище, но освоенное уже, в надежде, что здесь подкармливали. Рассверлил несколько старых лунок, расположенных кольцом в десятке метров одна от другой, накидал в них хлеба, сдавленного в плотные комки, в трёх оставил удочки с крючками, наживлёнными мотылём и сыром, а сам уселся блеснить судака так, чтобы видеть кивок ближайшей плотвиной удочки.

Довольно быстро я выдернул судака на килограмм, а больше поклёвок не было - ни на судаковой, ни на плотвиных удочках. Вокруг тоже ни у кого не клевало, и вскоре поблизости не осталось почти никого из моих и так немногочисленных соседей. Решил сменить место и я. Продвинулся ещё вглубь залива на полчаса ходу, снова развернул всю свою плотвино-судаковую систему, и опять вытащил только одного судачка, меньше первого. Тут и время подошло к пятичасовому автобусу двигаться.

— На берегу рыбаки делились впечатлениями от рыбалки. Плохо было почти у всех. Многие не поймали ничего - имеется в виду судак, а плотву никто даже и не пытался ловить.

— На следующий день мне пришлось отложить рыбацкие дела и отправиться в Ладушкин на партсобрание обсерватории. На нём в повестке дня среди прочего стоял вопрос "О состоянии трудовой дисциплины и политико-воспитательной работе в подразделении А.А. Намгаладзе", то есть в моей лаборатории, и я приглашён был отчитаться об этом самом состоянии перед парторганизацией.

4 июля 1985 г., там же

— Обсерваторским "генсеком" последние года два избирается Лещенко. Давно уже канули в Лету времена, когда на него все смотрели с презрением как на вернейшего гострёмовского прислужника, до конца шедшего вместе с ним против остальных, - десять лет с тех пор прошло.

— Теперь Лещенко - заведующий группой обслуживания обсерваторских наблюдений. Ему подчиняются все лаборанты вертикального зондирования. В Ладушкине у него шикарный отдельный кабинет, не хуже, чем у Иванова (а я себе так и не добился - сижу вместе с Клименко и Карповым). Зарплата у него 200 рублей - столько же, сколько у кандидата наук Клименко, и выше, чем у "стариков" Шагимуратова и Суроткина.

— Он - то председатель месткома, то - секретарь парторганизации. Единственное "пятно" на нём - развод с женой, бывшей бухгалтершей нашей (при Гостреме) Метелицей и новая женитьба, из-за чего его не пустили за границу, в ГДР, кажется. Живёт он с новой женой в Ладушкине.

— Лещенко с научными сотрудниками, инженерами и начальством старается быть в приятельских отношениях, стремится выглядеть эдаким рубахой-парнем. Перед лаборантами и прочей "мелкой сошкой" пыжится, изображает из себя важного начальника. На собраниях он неопишимо серьёзен, выступает всегда с кондово-праведными речами, не стесняясь употреблять самые что ни на есть затёртые обороты и лозунги. Мне он откровенно неприятен, и он, пожалуй, единственный в обсерватории, к кому я испытываю это чувство неприязни. Как к Мише Никитину в университете.

— И дело не в прошлой вражде в гострёмовские времена или в выпренности его партийных речей. А в том, что Лещенко - демагог, бездельник под маской деловитости. Я раньше думал, что на своём месте он может быть даже полезен. Иванов, похоже, и теперь продолжал так считать. Но в конкретной работе мне с Лещенко почти не приходилось сталкиваться до той поры, пока Иванов не назначил его ответственным исполнителем по злополучной теме "Тукан", а сам тем временем укатил на Кубу.

— Так вот, такого безответственного ответственного исполнителя я ещё не видывал. Именно Лещенке надлежало выбивать машину из заказчика. И он соглашался, кивал головой - да, да, я позвоню, я договорюсь, я составлю бумагу, - и ни хрена не делал. Совсем как во времена семинара по прогнозированию в Калининграде, когда он сам вызвался организовать экскурсию на Косу, а в последний момент рапортовал: Коса, мол, закрыта, проехать невозможно. А когда за это дело срочным порядком взялись другие - Синюгин, Мальцев, Лена Васильева, то оказалось, что всё возможно, и пришлось даже от лишних автобусов отказываться.

— А перед сдачей "Тукана"?! Лещенко взвалил всё на Коренькову и вместо Ленинграда укатил в Дагомыс на Симпозиум КАПГ - якобы как участник международного проекта, без него там бы не обошлись! Я себе и то не позволил туда поехать, хоть и числился руководителем проекта №6 совместно с Поляковым. Конечно, и в Ленинграде мы без Лещенко прекрасно обошлись. Потому-то его Иванов и отпустил, зная, что всё равно от него толку как от козла молока. Но ведь тот даже обещанного минимума не выполнил -

на счёт гостиницы не договорился, и мы мыкались там, кто где смог.

— Да и просто сам факт красноречив - ответственный исполнитель не едет на сдачу темы! Добро бы причина какая уважительная была, а то, видите ли, ему просто нельзя было Дагомыс упустить, он там не был ни разу.

— А сколько времени он мне голову морочит с электропроводкой в кирхе?

— А как он Петю Сапожникова с Алтая надул, продав ему втридорога дешёвые кассеты магнитофонные?

— Внешне я свою неприязнь к Лещенко старался без повода не проявлять, но он, похоже, и так её чувствовал, что, впрочем, не мешало ему изображать сердечную приветливость при встречах со мной.

— Партсобрание, на которое меня пригласили, было не простым, а показательным. Оно должно было "показать наше лицо" Шамардину - заведомо науки обкома, который был специально на это собрание приглашён. А пригласил его Иванов. И вот почему.

5 июля 1985 г., там же

— За неделю примерно до этого Иванову позвонил Лобачевский и сообщил: - Срочно заручитесь поддержкой местных властей на будущую пятилетку в предполагаемом расширении обсерватории, прежде всего в части капитального строительства. Это связано с тематикой ИФЗ. Готовится постановление Совмина и ЦК, по которому обсерваторию можно будет преобразовать в Отделение института с соответствующим увеличением штатов. Но всё это необходимо заранее согласовывать с местными властями, обкомом прежде всего, чтобы потом не отказали в капстроительстве. Деньги-то, допустим, будут, а строить кто возьмётся?

— Ну, вот Иванов и пошёл к Шамардину. А тот решил "поближе познакомиться" с нами. Привезли его на собрание. Иванов речь произнёс: "О перспективах развития обсерватории на следующую пятилетку". Затем Тепеницина - председатель месткома, ужасно волнуясь, доложила о ходе соцсоревнования в обсерватории.

— Третьим вопросом меня выпустили. Похоже, - в качестве развлекательного номера после торжественной части. В общем-то мне непонятно было, для чего они (Иванов с Лещенко) этот спектакль с моим выступлением затеяли. Неужели в самом деле Шамардина повеселить "борьбой мнений"?

— Дело в том, что у меня уже были стычки с Лещенко, правда, завуалированные, на профсоюзных собраниях как раз по поводу трудовой дисциплины моих сотрудников, а именно, Глущенко и Наумовой, которых Лещенко как-то засёк в рабочее время возвращавшимися из города в Ладушкин на рейсовом автобусе. Были нарекания и в адрес лаборантов, особенно Ивантаевой и Дериконь, вечно опаздывавших на работу и смывавшихся среди дня поболтать по магазинам. Но с ними-то я проводил воспитательную работу, да и сейчас они обе уже уволились. А вот систематические нарушения Глущенко и Наумовой я якобы покрывал, и вообще публично выступал против табельной системы учёта рабочего времени.

— А вдобавок ко всему в моей лаборатории ни политинформаций, ни каких-либо других политзанятий не проводится. Все эти "недостатки политико-воспитательной работы" в моём подразделении мне были известны, и я решил в своём выступлении предупредить, насколько сумею, возможную критику по их поводу.

— Я начал с того, что отметил высокий образовательный уровень своих подчинённых. Кореньков и Клименко - кандидаты наук, Суроткин и Карпов близки к этому, во всяком случае у них сдан кандидатский минимум, Глущенко и Наумова - инженеры с высшим образованием, единственный сейчас лаборант - Света Зимарева и та в университете учится. Так что проводить с ними политинформации на уровне зачитывания вырезок из газет я никакого смысла не вижу. У всех телевизоры, все смотрят программу "Время", в политике разбираются.

— Общественную нагрузку несут безотказно: Кореньков - зампред месткома, в местком уже который раз избирается, Клименко в производственной комиссии, Глущенко в месткоме председательствовала, Зимарева - общественный распространитель печати, на ней подписка, Суроткин в колхозы первая затычка, Карпов - агитатор на выборах, вторые выборы подряд избирателей регистрирует.

— А научно-общественная работа, которой я и Кореньков занимаемся? Рецензирование и редактирование сборников, оргкомитеты Всесоюзных конференций и семинаров, подсекция моделирования и кураторство в ней, - это ведь тоже всё общественная работа, которую приходится выполнять помимо прямых производственных обязанностей и за которую денег не платят.

— Что касается дисциплины, то у нас в лаборатории она зиждется на сознательном отношении к труду. Вон Клименко уже сколько лет перерабатывает: отсиживает по девять часов без перерывов на обед и никакой компенсации не требует. А на машину в ЦПКТБ они с Карповым и по вечерам, и по ночам, и в выходные ходят, и опять же безо всякой компенсации, разве что после ночи попозже в кирху приходят. Оба уже заработались до неврастения, или уж до вегето-сосудистой дистонии, по крайней мере. Карпов в обмороки на машине падает, у него голова часто кружится, шатается от слабости.

— Тут месткому впору вмешиваться и требовать от меня, чтобы я не перегружал своих сотрудников. А мне от месткома претензии другого рода предъявляют: почему, мол, Ваши сотрудники на работу вовремя не являются? Их, мол, не на машине, а где-то в другом месте видели.

— Но неужели я за своими сотрудниками слежку буду устраивать? Суроткин, Глущенко, Наумова в КТИ считают, и у них бывают холостые поездки туда, поскольку там машина вечно ломается или периферия из строя выходит. Иной раз им уже и нет смысла в кирху возвращаться - едут домой и правильно делают.

— Вон, в ЛГУ у Пудовкина вообще большинство сотрудников по библиотекам или дома работает, а каков выход продукции? Очень высокий!

— И вообще - нельзя же забывать, что дисциплина не самоцель, а средство обеспечения высокой производительности труда. Вот о ней-то и нужно заботиться. Нужно воспитывать сознательное и творческое отношение к труду, а не вырабатывать привычку отсиживать просто от сих до сих. Таких-то дисциплинированных у нас в обсерватории много найдётся, да толку-то что от них?

— К своим же сотрудникам по части самоотдачи у меня никаких претензий нет. Их, я уже говорил, наоборот, сдерживать нужно, чтобы не надрывались. И, конечно, я не могу заставлять их фиксировать в таблице все свои уходы и приходы по той причине, что не вижу в этом никакого смысла и не желаю унижать их и себя своим недоверием. Тем более, что никакие реальные проверки в наших условиях невозможны, а прогульщик при любой системе для себя лазейки найдёт. Потому-то я и выступал уже против табельной системы у нас, хотя и допускаю, что для формы, для отчёта перед комиссиями табель надо иметь.

— А вот главное, что я считаю нужным сделать для укрепления дисциплины по существу - это решить, наконец, проблему собственной ЭВМ. Из-за её отсутствия и все наши беды, все потери времени, которые несравнимы с любыми мыслимыми прогулами.

— Я ещё поживописал наши безЭВМ-ные страдания и на этом закруглился.

— Вопросы к докладчику, - объявил председательствовавший на собрании Карвецкий.

— Помолчали, как положено.

— У меня есть один вопрос, - поднял руку Лещенко. - Как, товарищ Намгаладзе, Вы объясните нам тот факт, что сотрудница Вашей лаборатории Наумова недоработала... я вот тут подсчитал, - он заглянул в бумажку и назвал какое-то жуткое количество часов, недоработанных Ниной Наумовой. - Она ведь каждый день позже всех приходит в кирху и раньше всех уходит.

— Вы же знаете, Владимир Сергеевич, что это связано с транспортом, с расписанием

автобусов, что служебный наш автобус возит людей на работу из Калининграда в Ладушкин, но не возит тех, кто живёт в Ладушкине и работает в Калининграде. Нина Наумова поступала к нам для работы на ЕС-1020 в Ладушкине и вовсе не собиралась ездить в Калининград, тем более, что у неё двое детей, один ещё совсем малыш. По моей просьбе Нина была переведена к нам в лабораторию и с возложенной на неё работой прекрасно справляется. Но работать ей приходится на ЕС-1035 в КТИ и, соответственно, из-за этого приходится ездить в Калининград.

— Конечно, и ей, и мне, и всем было бы удобнее, чтобы она работала на нашей обсерваторской ЭВМ в Ладушкине. Но этой ЭВМ нет, о чём я и говорил. Разумно в такой ситуации переселить Наумову в Калининград, но и это пока невозможно, её очередь подойдёт ещё не скоро. Возить её тоже никто не будет. Какие же тогда к ней могут быть претензии?

— Она вправе вообще отказаться ездить в Калининград. Это же не её вина, что она нужнее нам сейчас именно в Калининграде, а не в Ладушкине, а обеспечить её современную доставку мы не можем. Не могу же я требовать от неё, чтобы она утренним шестичасовым дизелем из Ладушкина выезжала, а домой девятичасовым вечерним возвращалась. К тому же ей и дорогу не оплачивают.

— Есть ещё вопросы? - спросил Карвецкий. - Вопросов больше нет. Может, кто желает выступить?

— Опять помолчали. И опять Лещенко руку тянет.

— Мне хотелось бы несколько слов сказать.

— И понёс... Про то, какая у меня в лаборатории низкая дисциплина, когда хотят на работу, тогда и приходят, а политико-воспитательная работа и вовсе не ведётся. Будто и не слышал ничего из того, что я говорил, просто толкнул заранее подготовленную речугу. До этого он в открытую против меня не выступал, а тут словно с цепи сорвался. И упирал больше на то, что никто из нашей лаборатории ни на какие политзанятия не ходит.

— Мне бы промолчать на это его выступление, а я не удержался - полез возражать.

7 июля 1985 г., там же

- А как, - говорю, - Владимир Сергеевич, у Вас агитация за эти самые политзанятия поставлена? Ведь это же дело добровольное. А у нас вывесили два списка: такие-то ходят на политзанятия в Ладушкине, а эти в кирхе, и на том порешили дело сделанным. Никакой другой информации - каковы темы занятий, кто их проводит, ничего! Ну, и кто этими занятиями заинтересуется?

Когда, скажем, в прошлом году Опекунов лектора из общества "Знание" приглашал, все являлись послушать. А неизвестно на что время тратить - кому это нужно? Я ведь уже говорил, что у нас в лаборатории и так люди грамотные...

Конечно, я нёс ахинею.

Какой там ещё агитации нам не хватало?

Лещенко нужно галочку поставить - мероприятия, мол, проводятся, - так это его личное дело, а мы здесь причём? Вот и всё наше отношение к политзанятиям. А рассуждать на эти темы на партсобрании, да ещё при Шамардине, - глупо просто.

Впрочем, как и бороться с табельной системой учёта рабочего времени. Кивай головой, да делай по-своему. А Васька слушает, да ест.

Ну, да ладно.

Больше никто по моему докладу не выступал. Все сидели тихонько, почтительно поглядывая на Шамардина. Тот писал что-то в блокнотике. Потом были ещё два каких-то мелких вопроса, и дело подошло к концу. Карвецкий обратился к Шамардину - не желает ли он несколько слов сказать?

Шамардин - крупный, но невыразительной внешности мужчина лет за пятьдесят - вышел со своим блокнотиком к покрытому зелёным сукном столу президиума собрания,

за которым сидели Карвецкий и Тепеницина. Когда-то ведь он уже приезжал сюда - 14 лет назад - разбираться с историей с выборами и учил меня и прочих не пошедших голосовать уму-разуму. Помнит ли он об этом?

— Речь его разочаровала всех своей бессодержательностью.

— По поводу перспектив развития обсерватории он только и сказал, что это, мол, всё пока ваши мечты и благие пожелания, имея в виду, наверное, что вот когда будет "Постановление", тогда можно будет и говорить о чём-то.

— Затем он посоветовал нам улучшить систему подведения итогов соцсоревнования и перенять передовой опыт наших калининградских рыбаков, у которых это дело хорошо поставлено.

— А большую часть своего выступления он посвятил моим высказываниям, называя меня почему-то "доктором Намгаладзе", путая, судя по всему, зарубежное обращение "доктор" с моей учёной степенью.

— Он несомненно признаёт, что учёные - народ творческий, они думать и в трамвае даже могут, но дисциплина есть дисциплина, и табель есть табель. Порядок для всех одинаков, и поблажек никому не положено давать. Тем более, что другие могут неправильно понять. (Знал бы он про наши коллективные выходы в сауну в рабочее время! Хорошо - Лещенко не в курсе оказался.)

— А уж что касается политзанятий, то тут он и вовсе удивлён такой несознательностью доктора Намгаладзе. Вы ведь знаете, какое нынче время особое. Международное положение обязывает! И никакие ссылки на грамотность тут недопустимы. Ему известны такие грамотные с высшим образованием, которые газету "Правда" раз в год открывают, и "голоса" всякие вражеские слушают. А враг не дремлет! И т.д., и т.п. ...

— Короче, банальнейшая речь в стиле низового партийного функционера, какие Лещенко любит произносить. И этот человек отвечает за положение дел с наукой в области, утверждает кандидатуры на руководящие посты в научных учреждениях!

— Шамардина выслушали с почтением, вопросов никто не задавал, и на этом концерт закончился.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)